

Научная статья

УДК 398'54

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156

Образ кукушки в традиционных представлениях и обрядности бурят

Андрей Андреевич Бадмаев

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
badmaevaa@ngs.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Аннотация

В исследовании выявляется образ кукушки в мифологических представлениях и традиционной обрядности бурят. Выяснено, что в традиционном мировоззрении бурят этот орнитоморфный образ является многозначным. Языковой материал и произведения малых жанров бурятского фольклора позволяют утверждать, что кукушка несла женскую символику, с ней также связывали такую отрицательную черту человека, как пустословие. Из ее биологических признаков особо выделяли голос и физическую ловкость, а в ее поведении порицалось откладывание яиц в чужие гнезда.

Анализ мифологических представлений бурят показывает, что данная птица относилась к кругу священных животных. Установлено, что она была одной из составляющих солярной и небесной символики, с нею связывались представления о женском начале, плодородии, природных ритмах и обновлении природы. Кукушка выступала проводником воли светлых богов. Отмечается также, что в бурятском эпосе кукушка предстает как хранительница знаний о прошлом, ее образ увязывается с сакральными деревьями (шаманским Мать-деревом и Мировым деревом). Кроме того, с ней связываются мотив оборотничества и идея о дарительнице богатства. Выявлено, что в мифологических воззрениях бурят образ кукушки имел также негативные черты, так как был связан с представлениями о смерти.

Выяснено, что в шаманской обрядности бурят образ кукушки был локализован у агинских бурят и связан с их тотемическими воззрениями. Показывается, что некоторые традиционные представления бурят об этой птице находят параллели с мифологическими воззрениями других народов Евразии, что объясняется их универсальностью или типологическим тождеством и, вероятно, имевшими место в прошлом межкультурными контактами.

Ключевые слова

этнография, фольклор, лексика, буряты, мифологические воззрения, шаманизм, обрядность, кукушка

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования

Бадмаев А. А. Образ кукушки в традиционных представлениях и обрядности бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 147–156. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156

The Cuckoo Image in the Buryats Traditional Concepts and Rituals

Andrei A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
badmaevaa@ngs.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Abstract

Purpose. The study is devoted to identifying the image of the cuckoo in the Buryats mythological ideas and traditional rituals.

Results. In the first part of the work, a general description of the cuckoo image is given based on the vocabulary and small genres of the Buryat folklore. It was found that the Buryats particularly noted the voice and physical dexterity of this bird from its other biological features. It was also associated with such a negative trait of a person as idle talk.

The second part of the study examines the Buryats mythological ideas about the cuckoo. It was found out that the cuckoo appears in the Buryat epic as a sacred bird, a conductor of the celestials will. It has a feminine origin: women are believed to turn into this bird after death as a punishment for easy virtue and committing suicide. The cuckoo image is also associated with the motif of werewolf, ideas about the evergreen needles acquisition by larch trees and the milk wine invention. In the Buryat epic, this bird often acts as a bearer of knowledge about the past and a wealth giver. The dual nature of the magical effect of the cuckoo's voice was revealed: on the one hand, it can be beneficial for man and nature, on the other hand, it can destroy a person. The negative features of the cuckoo image are associated with the symbolism of death, which is reflected in folk signs, in particular in the superstition about the cuckoo ability to predict a person's life expectancy.

The third part of the article highlights the cuckoo image in the Buryats shamanic ritual. It has been established that it was localized in the shamanic rite of the Aghin Buryats, probably being a relic of totemism.

Conclusion. The study shows that the cuckoo image in the mythological ideas of the Buryats is very ambiguous. This bird was revered as a sacred feathered. It personified the feminine principle. The cuckoo was characterized by solar and celestial symbolism, in addition it acted as a fertility symbol, which was manifested in the correlation of the image with nature rhythms and renewal. This bird was associated with sacred trees (the shamanic Mother Tree and the World Tree). At the same time, the image of the cuckoo also had negative characteristics, primarily because it was closely associated with ideas about death.

The study shows that some traditional ideas of the Buryats about this bird find parallels with the mythological concepts of other peoples of Eurasia, which is explained by their universality or typological identity and, probably, intercultural contacts that took place in the past.

Keywords

ethnography, folklore, vocabulary, Buryats, mythological views, shamanism, ritual, cuckoo

Acknowledgements

The research was conducted within the framework of the research project of IAE SB RAS no. FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17th – 21st centuries"

For citation

Badmaev A. A. The Cuckoo Image in the Buryats Traditional Concepts and Rituals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 147–156. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156

Введение

Среди орнитоморфных образов, получивших широкое распространение в культурах разных народов Евразии, выделяется образ кукушки. Отношение к этой птице, как правило, носит двойственный характер: от ее сакрализации до негативного восприятия (в определенной степени здесь сыграло роль ее биологическое поведение). Ее образ включался в представления о природных ритмах и времени, любовно-брачных отношениях, связывался с аграрным календарем, тотемными прародителями и мифическими персонажами. Особенно обращали внимание на ее кукование, веря в его способность влиять на здоровье, плодородие и матери-

альное благополучие человека. В то же время сложились народные воззрения о хтонической природе этой птицы.

Кукушка входит в галерею орнитоморфных образов, представленных в традиционном мировоззрении бурят. Хотя ее образ уже рассматривался в бурятоведческой литературе [Бадмаев, 2020; Бурчина, 2007], но всесторонней характеристики он так и не получил. Цель настоящего исследования – выявление образа кукушки в мифологических представлениях и традиционной обрядности бурят.

В работе автор опирается на этнографо-фольклорные и лексические данные. В особенности важны материалы, собранные такими бурятскими исследователями, как Д. А. Бурчина, Ц. Ж. Жамцарано, М. Н. Хангалов. Основным методом изучения является структурно-семиотический метод, позволяющий выявить и описать элементы, составляющие образ кукушки и отражающие представления о нем.

Общая характеристика кукушки в культуре бурят

В орнитофауне Юго-Восточной Сибири представлен такой вид кукушки, как обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*). Буряты называют ее *хухы*, *хубхуу* ‘кукушка’ и относят к сакральным птицам. В их языке нашли отражение некоторые биологические признаки этой пернатого. Прежде всего буряты обращали внимание на издаваемые в брачный сезон самцом этой птицы звуки. В их лексике есть устойчивые выражения, передающие восприятие ими кукования. Например, о звонкости голоса кукушки говорят *уриханаар ханхинаха* ‘ласково звучать’ [Буряад-ород толи, 2011, с. 397]. А в загадке *Нухын шэнээн бэетэй, сул далай дуутай* ‘Телом с топор, а голос как у пучины морей’ [Болдонов, 1949, с. 124] помимо громкости голоса, слышимого на большом расстоянии, подчеркиваются размеры данной птицы. В другой загадке монотонность пения кукушки уподобляют волчьему вою: *Ойдо огзон шоно уля* ‘В лесу куцый волк песню запел’ (кукушка) [Чистохин, 1895, с. 38].

Кроме того, в бурятском языке подмечается ловкость кукушки: *харсага солбон хухы* ‘подвижная и ловкая, как ястреб, кукушка’ [Буряад-ород толи, 2011, с. 407]. Сравнение ее с хищной птицей, как считается, обусловлено некоторым сходством формы их голов, оперения и характером полета [Птицы России..., 1993, с. 193]. Кстати, такое уподобление отмечается в культурах других народов – начиная с древних греков и римлян (Аристотель, Плиний) и заканчивая славянами [Гура, 1997, с. 708].

В еще одном фразеологизме указывается на особенность поведения кукушки – откладывание ею своих яиц в гнезда некоторых лесных пернатых: *хаан хухы* ‘царственная кукушка (оттого, что не сама кормит птенца)’ [Буряад-ород толи, 2011, с. 393]. Хотя надо заметить, что использование в этом выражении эпитета *хаан* ‘почтенная, великая’ может говорить и о священном характере этого пернатого для бурят.

Буряты употребляют фразеологическое выражение *хухышэлэн донгодохо* ‘распевать как кукушка’ (о красивой бессодержательной болтовне кого-либо), передающее такую присущую людям отрицательную черту, как пустословие, приписывая данное действие и этой птице [Там же, с. 507].

О том, что кукушка выступала символом женского начала свидетельствует в частности распространенность в прошлом у бурят женского имени, омонимичного названию кукушки – Хухэй [Митрошкина, 1987, с. 83].

Теперь коснемся мифологических воззрений бурят о кукушке.

Традиционные представления бурят о кукушке

Д. А. Бурчина высказала предположение о происхождении бурятского названия этого пернатого от номинации таких мифических персонажей, как три небесные девицы-кукушки – *хохэ ухуй* ‘небесные старшие сестры’, которые в героическом эпосе покровительствуют

и воскрешают богатырей [Бурчина, 2007, с. 134]. Правда, всё же логичнее полагать, что, как и в случае с рядом других народов, его наименование производно от крика самца кукушки в начале брачного сезона: белор. *кукушка*, пол. *kukul*; русс. *кукушка*; серб. *kukala*; чуваш. *кук-куж* и т. д.

В работе упомянутого выше исследователя делается вывод об амбивалентности образа кукушки в традиционных представлениях бурят. Так, положительная характеристика птицы, по мнению этого автора, вызвана включенностью ее образа в шаманскую традицию. Кроме этого, выделяются некоторые символические значения данного пернатого – связь его с обновлением природы, выполнение им роли вестницы и предсказательницы, его связь с солярной мифологией, проявляющаяся в продуцирующей магии и магии плодородия [Там же]. Со всеми этими выводами стоит согласиться, но их можно дополнить.

Выявленные Д. А. Бурчиной составляющие образа этой птицы во многом находят параллели в мифологических представлениях других народов: у западноевропейцев кукушка выступает предвестницей весны и лета [Тресиддер, 1999, с. 182], у тюрков (например, у хакасов) – символом весны [Бурнаков, 2008, с. 305–306]), у финно-угров (в частности у вепсов) – символом весны, вестницей, предсказательницей [Винокурова, 2007, с. 121]. Данный факт позволяет утверждать, что этот образ является универсальным для многих культур.

В бурятском эпосе отмечается сакральность кукушки в частности посредством следующих эпитетов: хрустальная, хрустально-бронзовая, хрустально-синяя, хрустально-белая. Очевидно, что появление в фольклоре бурят таких определений относится к позднему времени (вероятно, к XIX в., когда буряты могли познакомиться с хрустальными изделиями), и, скорее всего, ими заместили прилагательные, прежде определявшие данное пернатое.

В этом плане интересно, что большинство перечисленных выше эпитетов – это двусоставные слова, вторая часть которых называет конкретный цвет. По Д. А. Бурчиной, применение в эпических текстах определения «хрустально-бронзовая» связано с возможной традицией украшения шаманской короны металлической фигуркой кукушки, олицетворяющей духа-помощника шамана [Бурчина, 2007, с. 134]. Однако ни на одном из известных музейных образцов головного убора бурятского шамана не имеется указанной выше металлической подвески, нет также подкрепляющего это мнение этнографического материала.

Между тем у бурят синий цвет символизирует небо – место обитания птиц (вспомним, что верховное божество, которому поклонялись монгольские, а в том числе и бурятские этнические сообщества, звали *Хухэ Мунхэ Тэнгэри* ‘Вечное Синее Небо’). Кроме того, как уже было сказано, в бурятской мифологии образ кукушки ассоциировался со светлыми небожителями, а с ними соотносился именно белый цвет: *сагаан тэнгэринүүд* ‘белые небожители’.

Подобно другим народам Евразии (например, славянам [Гура, 1997, с. 686] и вепсам [Винокурова, 2007, с. 126]), буряты связывали эту птицу с женским началом: согласно легендам, в нее превращаются после смерти отдельные женщины. Так, в бурятских поверьях бытуют истории об обращении женщины в кукушку в наказание за ее легкое поведение [Хангалов, 1960, с. 28] или вследствие совершенного ею самоубийства: «Очень богатый Доной имел много скота и одну дочь. Когда дочь стала большой и нужно было отправляться к мужу <...> дочь выразила просьбу к отцу заколоть для ее вечеринки указанную кобылу... Отец не колет этой кобылы. Дочь, оскорбившись, бросается в золотое озеро и тонет... Когда озеро начало высыхать, из него вылетела дочь, обратившись в птицу хухэй» [Сказания бурят..., 1890, с. 117]. С народными воззрениями об обращении женщины после смерти в кукушку согласуется также мотив оборотничества. Так, в эпосе «Гэсэр» способностью обращаться в птиц обладают три сестры (небожительницы) главного героя:

Обернулись они все птицами,
А одна из них стала кедровкой,
А вторая стала синицей,
А третья кукушкой ловкой
[Гэсэр..., 1986, с. 108].

Эпические образы небесных сестер-кукушек, как и образ одной из сестер легендарного Гэсэра, свидетельствуют о том, что буряты связывали кукушку со светлой частью неба. О том, что данное пернатое выступало в качестве проводника воли небес, говорит фрагмент фольклорного текста «Пятилетний Толэй Мэргэн»:

В это время на верхушке громадной березы... кукует хрустально-синяя кукушка величиной с конскую голову... Упрекнув бездетного старика в беспечности, она советует ему принести в жертву творцам своим... откормленную белую кобылицу [Бурчина, 2007, с. 262].

Универсальный характер сюжета о кукушке как о посланнице богов прослеживается в традиционных представлениях разных народов Азии: индусов, лепча Сиккима [Krishna, 2014, р. 95], китайцев [Чжао, 2013, с. 41] и др.

В эпосе бурят содержится также указание на важную функцию этой птицы – она выступает в роли хранительницы знаний о прошлом:

На пути его стоит белая береза,
Береза толстая в десять обхватов,
На ее вершине сидит кукушка,
Кукушка хрустальная с лошадиную голову,
Кукует, рассказывает о сотворении земли,
Как создавался свет, как вселенная появилась
[Шаракшинова, 2000, с. 140].

Отметим, что в эпических произведениях бурят образ кукушки всегда увязывается со священным деревом (березой, хвойными деревьями). Вот как описывается сосна, на которой обитает волшебная кукушка, посредством своего пения несущая всему миру плодородие и благополучие:

Внутри ограды [росла] раскидистая сосна (нагнагайн нарахан) с восьмьюдесятью восемью сучьями-ветвями (гэшүүнэн), на каждом из которых было по гнезду (уур), в каждом из них – птенцы (зулзага), смотрящие на птиц семидесяти видов, [живущих] на свете (дэлхээ дайдын далан зуйын шубуун). На самой верхушке ее и зимой, и летом куковала хрустально-бронзовая кукушка величиной с конскую голову (морьне толгойн шэнээн молор холор хухээ). Куковала так, что на плоском камне трава выростала, на воде пенка появлялась, у сирот [одиноких] (оношон) потомство многочисленное появлялось, у бедняков богатство появлялось. Такая была славная (алдарта) знаменитая кукушка [Бурчина, 2007, с. 32].

Любопытно, что имеющийся здесь мотив кукушки как дарительницы богатства встречается в традиционном мировоззрении европейских народов: у западноевропейцев [Тресиддер, 1999, с. 182], у славян, кроме северных русских [Гура, 1997, с. 702], финнов, вепсов [Винокурова, 2007, с. 131]. Данный факт, вероятно, следует рассматривать как пример типологического совпадения с далекими от бурят культурами.

Отметим, что выявленная выше связь образа кукушки и Мирового древа не оригинальна и фиксируется в эпосе других народов. Например, у алтайцев таким деревом, на котором поют-предсказывают священные кукушки, является могучий тополь:

В долине – лучшей из долин –
Стоит великий бай терек –
Стоствольный тополь-исполин.
... На верхней ветви золотой,
Окружены листвою густой,
Кукушки вещи сидят,
Пути грядущего следят
[Маадай-кара, 1979, с. 12].

С кукушкой связаны также бурятские поверья об обретении лиственничными деревьями вечнозеленой хвои:

На юге живет Царь-кукушка величиною с барана. Он послал нам с кукушкой воду вечности (*мунхуйн хара уна*), чтобы она брызнула ею всех нас, дабы вся земля и люди жили в счастье и изобилии. Но кукушка бессмертия брызнула в сосну, ель и другие вечнозеленые деревья. Царю же доложила и теперь докла-

дывает: «Там (т. е. у нас) нет ни деревьев, ни людей, и я принуждена куковать на конском помете (*тонто-гоол*). Летом жарко, зимой холодно» [Жамцарано, 2001, с. 85].

Данный сюжет, в определенной степени воспроизводящийся в фольклоре хакасов [Попов, 1885, с. 36], вероятно, имеет тибетское происхождение. Считается, что основатель тибетской религии бон Шенраб Мибо спустился на землю в виде кукушки, а впоследствии адепты этого учения уподобляют кукование проповеди религиозных истин. Кроме того, в сказках тибетцев кукушка предстает царем птиц [Музраева, 2014, с. 90].

Интересно, что это пернатое особо почитается у монголов будто бы за то, что научило их изготавливать молочную водку:

Проснувшись, она не знала, как ей поступить, но прилетела кукушка, которая объяснила ей, как из молока гнать араку, и с тех пор монголы, когда у них есть молоко, делают водку; а в честь кукушки, которая их этому научила, выкурка ее происходит в то время, когда в лесах раздаётся кукование [Легенды и сказки..., 1912, с. 109].

Заметим, что у бурят и монголов было более распространено предание об изобретении этого продукта Чингисханом. Вероятно, идея о птице, раскрывшей секрет молочного вина людям, является более архаичной в культуре монгольских народов.

В мифологических сюжетах бурят голос кукушки наделяли силой магического воздействия. Негативный аспект данной силы проявлялся в том, что данное пернатое выступало неким подобием мифической сирены, чье пение якобы было губительно для людей. В эпосе «Хан Сагта абхай» в фигурирует такая волшебная кукушка:

Слышит кукование хрустальной кукушки... Она кукует о детстве и юности старика. Тот слушает кукование, сидя на коне, потом – сойдя с коня. Слушает сидя, лежа, и наконец, засыпает. В самый сон раздается голос: «Погибнешь, слушая это кукование» [Бурчина, 2007, с. 108].

Отрицательная характеристика этого пернатого в основном обусловлена тематикой смерти. Плохим знаком считалось, если она прилетает и кукует вблизи человеческого жилища. Причем, как следствие данного события, буряты ожидали падёж домашнего скота из-за нехватки сена: «В предании говорится, что весной прилетела кукушка, села на метлу, воткнутую в кучу снега, и куковала. По этой примете и сбылось, сена, действительно, не хватило и много скота пало от бескормицы» [Хангалов, 1958, с. 138]. Следует отметить, что здесь наблюдается параллель с мифологическими воззрениями славян, которые полагали, что «ранний прилет и раннее пение кукушки предвещает плохой год» [Гура, 1997, с. 700].

Символика смерти прослеживается и в бурятской традиции предсказывать по кукованию продолжительность жизни человека. Данный способ гадания характерен и для культуры других народов: славян [Там же, с. 703], вепсов [Винокурова, 2007, с. 123], чувашей [Чувашская мифология..., 2018, с. 134] и др. Как ранее сообщалось, буряты верили, что души некоторых умерших женщин обращаются в кукушку. В связи с этим укажем, что идея о том, что после смерти человека душа принимает облик данной птицы, широко распространена. Она обнаруживается в мифологии у многих народов Евразии: славян [Гура, 1997, с. 709], финнов и угров (вепсов, карелов, финнов [Винокурова, 2007, с. 125], манси [Бурькин, 2007, с. 206], хакасов [Бурнаков, 2008, с. 306] и др.

В традиционных представлениях бурят с образом кукушки ассоциировалось весеннее возрождение природы. Об этом в частности можно судить по следующей пословице: *Хухуйн дуугарха, ногооной ургаха* ‘Когда кукушка кукует, трава растет’ [Жамцарано, 2006, с. 36]. В то же время ее долгое кукование воспринималось негативно, как примета неурожая [Потанин, 1883, с. 133]. Также верили, что бескормица наступает, когда эта птица кукует ночью, при этом она якобы заклинает: *Энэ унгооро уруугша хара! Нугоо унгороо дээшэ хара! Ган гасуур боло* ‘Этой хорошей стороной обернись вниз! Другой стороной вверх! Будь засуха, несчастье’ [Жамцарано, 2001, с. 85].

Наконец, коснемся проявления образа этого пернатого в традиционной обрядности бурят.

Образ кукушки в шаманской обрядности бурят

Судя по этнографическим материалам, в шаманской обрядности бурят образ кукушки имел локальное проявление: он был инкорпорирован в шаманскую ритуальную практику и поэзию агинских бурят. В частности в их обряде посвящения шамана присутствующие подражали голосу данной птицы, а шаман-наставник произносил такие слова:

*...Эхэ модондоо дуулиштэй
Угай гарбал иэнги
Дуулим байжа донгодытой!*

...На Мать-дерево взойдите,
Подобно предкам (выделено мной. – А. Б.),
Во всю ширь прокукуйте!
[Гомбожапов, 2006, с. 145].

В этом коллективном акте шаманы и другие участники ритуала уподобляются кукушке, более того, они воспринимают данное пернатое как далекого предка. Следовательно, мы имеем дело с реликтами тотемизма, когда представители шаманского рода почитали кукушку как прародителя. Добавим, что в контексте данного обряда Мать-дерево, в данном случае береза, выступает как место обитания птицы-предка.

В шаманской обрядности у некоторых сибирских тюрков (тувинцев, хакасов и др.) кукушка рассматривалась как дух-помощник шамана (шаман имитировал ее голос во время камлания, и ее образ применялся в культовой атрибутике) [Бурнаков, 2008, с. 308; Музраева, 2014, с. 91]. Эта ее функция отмечается у дагуров, бывших насельников Забайкалья [Бурчина, 2007, с. 134]. На основании сказанного можно предположить, что присутствие образа данной птицы в шаманском обряде агинских бурят может быть результатом этнокультурных контактов предков этих бурят с монголоязычными дагурами или, как вариант, тюркоязычными сообществами Южной Сибири.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует констатировать, что в мифологических представлениях бурят образ кукушки многозначен. Эта птица почиталась как священное пернатое. Она олицетворяла женское начало. Ее наделяли солярной и небесной символикой, кроме этого она выступала источником плодородия, что проявлялось в соотнесении ее образа с природными ритмами и обновлением природы. Кукушка рассматривалась как проводник воли светлых богов. Ее воспринимали также как хранительницу знаний о прошлом и дарительницу богатства. Данную птицу связывали с сакральными деревьями (шаманским Мать-деревом и Мировым древом) и мотивом оборотничества. В то же время ее образ имел отрицательные характеристики, прежде всего, потому что был связан с темой смерти.

Исследование показывает, что часть мифологических представлений бурят о кукушке находит аналогии в традиционном мировоззрении у разных народов Евразии, что объясняется как их универсальностью, так и типологическим тождеством, а также существовавшими этнокультурными контактами.

В шаманской обрядности бурят образ кукушки носит локальный характер и связан с тотемическими воззрениями.

Список литературы

- Бадмаев А. А.** Традиционные представления бурят о птицах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 113–120.
- Болдонов Н. С.** Загадки бурят-монголов: Из старинного сборника Харбасарова // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 120–125.

- Бурнаков В. А.** Образ кукушки в мифопоэтической и ритуальной традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой научной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2008. Т. 14. С. 305–309.
- Бурчина Д. А.** Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Бурькин А. А.** Вера в духов. Сколько душ у человека. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2007. 320 с.
- Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Винокурова И. Ю.** Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Дис. ... д-ра ист. наук. Петрозаводск, 2007. 565 с.
- Гомбожапов А. Г.** Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX – XX в.: истоки и инновации. Новосибирск: Наука, 2006. 184 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. 2. 288 с.
- Жамцарано Ц. Ж.** Путевой дневник 1908–1909 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 119 с.
- Жамцарано Ц. Ж.** Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- Легенды и сказки Центральной Азии / Сост. А. П. Беннинсен. СПб., 1912. 168 с.
- Маадай-кара. Алтайский героический эпос / Пер. А. Плитченко. Горно-Алтайск, 1979. 271 с.
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Музраева Д. Н.** Кукушка как персонаж сказочного фольклора народов Центральной Азии: проблема взаимосвязи фольклорных жанров и литературных текстов // Новые исследования Тувы. 2014. № 2. С. 80–94.
- Попов Н. И.** Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. ИРГО. 1885. Т. 20. С. 34–48.
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные. Голубеобразные. Кукушкообразные. Совообразные / Отв. ред. В. Д. Ильичев, В. Е. Флинт. М.: Наука, 1993. 397 с.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Тресиддер Дж.** Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.; 1960. Т. 3. 421 с.
- Чжао Ц.** Звери и птицы как символы в китайской культуре // Культура и история Китая: Символика китайской культуры. Пекин: Шанс; СПб.: КАРО, 2013. 236 с.
- Чистохин И.** Инородческие загадки // Изв. ВСОИРГО. 1895. Т. 26, № 1–3. С. 37–39.
- Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.
- Шаракшинова Н. О.** Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 153 с.
- Krishna N.** Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.

References

- Badmaev A. A.** Traditsionnye predstavleniya buryat o ptitsakh [The traditional ideas of the buryats about birds]. *Arkheologiya, etnographiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2020, vol. 48, no. 2, pp. 113–120. (in Russ.)

- Boldonov N. S.** Zagadki buryat-mongolov: Iz starinnogo sbornika Kharbasarova [Riddles of the buryat-mongols: From the ancient collection of Kharbasarov]. In: Sbornik trudov po filologii [Collection of works on philology]. Ulan-Ude, Burmongiz, 1949, pp. 120–125. (in Russ.)
- Burchina D. A.** Geroicheskiy epos ungingiskikh buryat: Ukazatel' proizvedenii i ikh variantov [The heroic epic of the Unga buryats: An index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 544 p. (in Russ.)
- Burnakov V. A.** Obraz kukushki v mifo-poeticheskoi i ritual'noi traditsii khakasov [The image of the cuckoo in the mytho-poetic and ritual tradition of the khakas]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy Godovoi nauchnoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories: Materials of the Annual scientific session of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS]. Novosibirsk, 2008, vol. 14, pp. 305–309. (in Russ.)
- Buryaad-oroḍ toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010, vol. 2, 708 p. (in Buryat, in Russ.)
- Burykin A. A.** Vera v dukhov. Skol'ko dush u cheloveka [Belief in spirits. How many souls does a person have]. St. Petersburg, Azbuka-klassika; Peterburgskoe vostokovedenie, 2007, 320 p. (in Russ.)
- Chistokhin I.** Inorodcheskie zagadki [Native riddles]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshestva* [News of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1895, vol. 26, no. 1–3, pp. 37–39. (in Russ.)
- Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravocchnik [Chuvash mythology: an ethnographic reference]. Cheboksary, Chuvash Book Publ., 2018, 591 p. (in Russ.)
- Chzao Ts.** Zveri i ptitsy kak simvoly v kitaiskoi kul'ture [Animals and birds as symbols in Chinese culture]. In: Kul'tura i istoriya Kitaya: Simvolika kitaiskoi kul'tury [Culture and history of China: Symbolism of Chinese culture]. Pekin, Shans; St. Petersburg, KARO, 2013, 236 p. (in Russ.)
- Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskiy epos [Geser. Buryat folk heroic epic]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1986, vol. 2, 288 p. (in Russ.)
- Gombozhapov A. G.** Traditsionnye semeino-rodovye obryady aginskikh buryat v kontse XIX – XX v.: istoki i innovatsii [Traditional family and ancestral rites of the Aghin buryats at the end of the 19th – 20th centuries: origins and innovations]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 184 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal symbolism in the slavic folk tradition]. Moscow, Indrik, 1997, 912 p. (in Russ.)
- Khangalov M. N.** Sobranie sochinenii [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1958, vol. 1, 551 p.; 1960, vol. 3, 421 p. (in Russ.)
- Krishna N.** Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.
- Legendy i skazki Tsentral'noi Azii [Legends and fairy tales of Central Asia]. St. Petersburg, 1912, 168 p. (in Russ.)
- Maadai-kara. Altaiskii geroicheskiy epos [Maadai-kara. Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk, 1979, 271 p. (in Russ.)
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- Muzraeva D. N.** Kukushka kak personazh skazochnogo fol'klora narodov Tsentral'noi Azii: problema vzaimosvyazi fol'klornykh zhanrov i literaturnykh tekstov [The cuckoo as a character in the fairy-tale folklore of the peoples of Central Asia: the problem of the interrelation of folklore genres and literary texts]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva], 2014, no. 2, pp. 80–94. (in Russ.)

- Popov N. I.** Pover'ya i nekotorye obychai kachinskikh tatar [Beliefs and some customs of the Kachin tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian geographical society], 1885, vol. 20, pp. 34–48. (in Russ.)
- Potantin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays of North-Western Mongolia]. St. Petersburg, 1883, iss. 4, 1026 p. (in Russ.)
- Ptitsy Rossii i sopredel'nykh regionov: Ryabkoobraznye. Golubeobraznye. Kukushkoobraznye. Sovoobraznye [Birds of Russia and adjacent regions: Grouse. Pigeon-like. Cuckoo-like. Owl-like]. Moscow, Nauka, 1993, 397 p. (in Russ.)
- Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami [The legends of the buryats, recorded by different collectors]. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1890, vol. 1, iss. 2, 160 p. (in Russ.)
- Sharakhshinova N. O.** Uligery buryat [Epics of the buryats]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, 153 p. (in Russ.)
- Tressider G.** Slovar' simvolov [Dictionary of symbols]. Moscow, FAIR-PRESS, 1999, 448 p. (in Russ.)
- Vinokurova I. Yu.** Zhitvotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii) [Animals in the traditional worldview of the veps (reconstruction experience)]. Dr. Hist. Sci. Diss. Petrozavodsk, IYaLI Publ., 2007, 565 p. (in Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh.** Putevoi dnevnik 1908–1909 gg. [Travel diary 1908–1909]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2006, 119 p. (in Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh.** Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel diaries 1903–1907]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2001, 382 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Бадмаев Андрей Андреевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Information about the Author

Andrew A. Badmaev, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher

*Статья поступила в редколлегию 16.06.2022;
одобрена после рецензии 30.12.2022; принята к публикации 10.01.2023
The article was submitted on 16.06.2022;
approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 10.01.2023*